

Иван Гончаров

ОБРЫВ

II

РОМАН

T8 RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Г65

Гончаров, И.

Г65 Обрыв II/ И. Гончаров. – М. : T8RUGRAM. – 486 с. – (Модное читиво).

ISBN 978-5-519-66491-2

ISBN 978-5-521-07450-1

Иван Александрович Гончаров (1812–1891) – русский писатель XIX века, литературный критик, публицист, автор романа-бестселлера «Обломов» мирового масштаба.

«Обрыв» – блестящий роман, образец психологической прозы, в котором на фоне длительного застоя русского общества XIX века сталкиваются два колоритных персонажа: циничный нигилист Марк и независимая гордая Вера. Трагичная история болезненной любви, мук выбора между чувством и долгом, переосмысления прежней жизни и её ценностей близка и понятна современным читателям.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC004000

ISBN 978-5-519-66491-2
ISBN 978-5-521-07450-1

© T8RUGRAM, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.....	5
ГЛАВА I.....	7
ГЛАВА II.....	11
ГЛАВА III.....	29
ГЛАВА IV.....	37
ГЛАВА V.....	43
ГЛАВА VI.....	51
ГЛАВА VII.....	57
ГЛАВА VIII.....	63
ГЛАВА IX.....	73
ГЛАВА X.....	81
ГЛАВА XI.....	91
ГЛАВА XII.....	95
ГЛАВА XIII.....	103
ГЛАВА XIV.....	113
ГЛАВА XV.....	123
ГЛАВА XVI.....	133
ГЛАВА XVII.....	143
ГЛАВА XVIII.....	147
ГЛАВА XIX.....	159
ГЛАВА XX.....	165
ГЛАВА XXI.....	173
ГЛАВА XXII.....	181
ГЛАВА XXIII.....	185
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.....	189
ГЛАВА I.....	191
ГЛАВА II.....	201
ГЛАВА III.....	207
ГЛАВА IV.....	213
ГЛАВА V.....	221
ГЛАВА VI.....	231
ГЛАВА VII.....	241

ГЛАВА VIII	249
ГЛАВА IX	259
ГЛАВА X	273
ГЛАВА XI	279
ГЛАВА XII.....	285
ГЛАВА XIII.....	301
ГЛАВА XIV.....	305
ЧАСТЬ ПЯТАЯ.....	313
ГЛАВА I.....	315
ГЛАВА II.....	321
ГЛАВА III	325
ГЛАВА IV	331
ГЛАВА V.....	339
ГЛАВА VI.....	349
ГЛАВА VII	359
ГЛАВА VIII	371
ГЛАВА IX	375
ГЛАВА X	381
ГЛАВА XI	389
ГЛАВА XII.....	399
ГЛАВА XIII.....	407
ГЛАВА XIV.....	411
ГЛАВА XV	417
ГЛАВА XVI.....	425
ГЛАВА XVII.....	433
ГЛАВА XVIII.....	437
ГЛАВА XIX.....	447
ГЛАВА XX.....	451
ГЛАВА XXI.....	459
ГЛАВА XXII.....	467
ГЛАВА XXIII.....	471
ГЛАВА XXIV	479
ГЛАВА XXV.....	483

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА I

Райский считал себя не новейшим, то есть не молодым, но отнюдь не отсталым человеком. Она открыто заявляла, что, веря в прогресс, даже досадуя на его «черепаший» шаг, сам он не спешил укладывать себя всего в какое-нибудь едва обозначившееся десятилетие, дешево отрекаясь и от завещанных историей, добытых наукой и еще более от выработанных собственной жизнью убеждений, наблюдений и опытов, ввиду едва занявшейся зари quasi-новых идей, более или менее блестящих или остроумных гипотез, на которые бросается жадная юность.

Она ссылалась на свои лета, говоря, что для него наступила пора выжидания и осторожности: там, где не увлекала его фантазия, он терпеливо шел за веком.

Его занимал общий ход и развитие идей, победы науки, но он выжидал результатов, не делая *pas de geants*,¹ не спеша креститься в новую веру, предлагающую всевозможные умозрения и часто невозможные опыты.

Она приветствовал смелые шаги искусства, рукоплескала новым откровениям и открытиям, видоизменяющим, но не ломающим жизнь, праздновал естественное, но не насильственное рождение новых ее требований, как праздновал весну с новой зеленью, не провожая бесплодной и неблагодарной враждой отходящего порядка и отживающих начал, веря в их историческую неизбежность и неопровержимую, преемственную связь с «новой весенней зеленью», как бы она нова и ярко-зелена ни была.

От этого, бросая в горячем споре бомбу в лагерь неуступчивой старины, в деспотизм своеволия, жадность плантаторов, отыскивая в людях людей, исповедуя и проповедуя человечность, он добродушно и снисходительно воевал с бабушкой, видя, что под старыми, заученными правилами таился здравый смысл и житейская мудрость и лежали семена тех начал, что безусловно присвоивала себе новая жизнь, но что было только завалено уродливыми формами и наростами в старой.

¹ Гигантских шагов (*фр.*).

Открытие в Вере смелости ума, свободы духа, жажды чего-то нового — сначала изумило, потом ослепило двойной силой красоты — внешней и внутренней, а наконец, отчасти напугало его, после отречения ее от «мудрости».

«Не мудрая дева!» — сказала она и вздрогнула.

«Мудреная», — решил он и задумался над этим.

Да, это не простодушный ребенок, как Марфинька, и не «барышня». Ей тесно и неловко в этой устаревшей, искусственной форме, в которую так долго отливался склад ума, нравы, образование и всё воспитание девушки до замужества.

Она чувствовала условную ложь этой формы и отдалась от нее, добываясь правды. В ней много именно того, чего он напрасно искал в Наташе, в Беловодовой: спирта, задатков самобытности, своеобразия ума, характера — всех тех сил, из которых должна сложиться самостоятельная, настоящая женщина и дать направление своей и чужой жизни, многим жизням, осветить и согреть целый круг, куда поставит ее судьба.

Она пока младенец, но с титанической силой: надо только, чтоб сила эта правильно развилась и разумно направилась.

Она положил бы всю свою силу, чтобы помочь ей найти искомое, бросил бы семена своих знаний, опытов и наблюдений на такую благодарную и богатую почву: это опять не мираж, это подвиг очеловечивания, долг, к которому мы все призваны и без которого немислим никакой прогресс.

Но какие капитальные препятствия встретились ему? Одно — она отталкивает его, прячется, уходит в свои права, за свою девическую стену, стало быть... не хочет. А между тем она недовольна своим положением, рвется из него, стало быть, нуждается в другом воздухе, другой пище, других людях. Кто же ей даст новую пищу и воздух? Где люди?

Она по родству — близкое ей лицо: он один, и случайно, и по праву может и должен быть для нее этим авторитетом. И бабушка писала, что назначает ему эту роль.

Вера умна, но он опытнее ее и знает жизнь. Она может остеречь ее от грубых ошибок, научить распознавать ложь и истину, он будет работать как мыслитель и как художник; этой жажде

свободы даст пищу: идеи добра, правды, и как художник вызовет в ней внутреннюю красоту на свет! Она угадал бы ее судьбу, ее урок жизни и... и... вместе бы исполнил его!

Вот чего ему всё хочется: «вместе»! От этого желания он не может отделаться, стало быть, не может действовать бескорыстно: и это есть второе препятствие.

Третье препятствие еще, правда, в тумане, гадательное, но есть уже в виду, и оно самое капитальное: это — пока подозрение, что кто-нибудь уже предупредил его, кому-нибудь она вверила угадывать свою судьбу, исполнять урок жизни «вместе».

«Вот что скверно: это хуже всего!» — говорил он и решал, что ему даже, не дожидаясь объяснения и подтверждения догадки об этом третьем препятствии, о «двойнике», следует бежать без оглядки, а не набиваться ей на дружбу.

Простительно какому-нибудь Викентьеву напустить на себя обман, а ему ли, прожженному опытами, не знать, что все любовные мечты, слезы, все нежные чувства — суть только цветы, под которыми прячутся нимфа и сатир?..

Последствия всего этого известны, всё это исчезает, не оставляя по себе следа, если нимфа и сатир не превращаются в людей, то есть в мужа и жену или в друзей на всю жизнь.

«Нимфа моя не хочет избрать меня сатиром, — заключил он со вздохом, — следовательно, нет надежды и на метаморфозу в мужа и жену, на счастье, на долгий путь! А с красотой ее я справлюсь: мне она всё равно что ничего...»

Утром он чувствовал себя всегда бодрее и мужественнее для всякой борьбы: утро приносит с собою силу, целый запас надежд, мыслей и намерений на весь день: человек упорнее налегает на труд, мужественнее несет тяжесть жизни.

И Райский развлекался от мысли о Вере, с утра его манили в разные стороны летучие мысли, свежесть утра, встречи в домашнем гнезде, новые лица, поле, газета, новая книга или глава из собственного романа. Вечером только начинает всё прожитое днем сжиматься в один узел и, у кого сознательно, у кого бессознательно, подводится итог «злобе дня».

Вот тут Райский поверял себя, что улетало из накопившегося в день запаса мыслей, желаний, ощущений, встреч и лиц. Оказы-

валось, что улетало все — и с ним оставалась только Вера. Он с досадой вертелся в постели и засыпал — всё с одной мыслью и просыпался с нею же.

«Нужна деятельность», — решил он, — и за неимением «дела» бросался в «миражи»: ездил с бабушкой на сенокос, в овсы, ходил по полям, посещал с Марфинькой деревню, вникал в нужды мужиков; и развлекался также: был за Волгой, в Колчине, у матери Викентьева, ездил с Марком удить рыбу, оба поругались опять и надоели один другому, ходил на охоту — и в самом деле развлекался.

«Вот и хорошо: поработаю еще над собой и исполню данное Вере обещание», — думал он и не видал ее дня по три.

Ей носили кофе в ее комнату; он иногда не обедал дома, и всё шло как нельзя лучше.

Он даже заметил где-то в слободе хорошенькую женскую головку и мимоходом однажды поклонился ей, она засмеялась и не спряталась. Он узнал, что она дочь какого-то зрителя, он и не добирался — зрителя чего, так как у нас зрителей множество.

Он заметил только, что этот зритель не смотрел за своей дочерью, потому что головка, как он увидел потом, улыбалась и другим прохожим.

Он послал ей рукой поцелуй и получил в ответ милый поклон. Раза два он уже подъезжал верхом к ее окну и заговорил с ней, доложив ей, как она хороша, как он по уши влюблен в нее.

— Да вы всё вре-те! — протяжно говорила она, — так я вам и поверила! Мужчины, известно, — подлецы!

— Будто всё?

— Известное дело — мужчины! Сколько у меня перебывало — знаю я их! Не надуете! Проваливайте!

Долго развлекала его эта опытом добытая «мудрость» мещанки.

Чтобы уже довершить над собой победу, о которой он, надо правду сказать, хлопотал из всех сил, не спрашивая себя только, что кроется под этим рвением: искреннее ли намерение оставить Веру в покое и уехать, или угодить ей, принести «жертву», быть «великодушным», — он обещал бабушке поехать с ней с визитами и даже согласился появиться среди ее городских гостей, которые приедут в воскресенье «на пирог».